

рики крестовых походов, описывая последние, и теми целями, которые они преследовали, создавая свои произведения.

Хронисты не были лишь регистраторами исторических событий, вписавшими в свои летописи известные им факты с абсолютным беспристрастием, без каких-либо сторонних умыслов. Поэтический образ такого, до конца объективного монаха-летописца, который стремится только к тому, чтобы правдиво фиксировать совершающееся вокруг него, менее всего соответствовал бы реальной действительности XI—XIII вв., если иметь в виду любого из католических хронистов крестовых походов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все они, даже если иные из них внешне и отгораживались от мира в своих монашеских кельях (а ведь многие хронисты отнюдь не были такими и находились в самой гуще описываемых событий), всегда имели перед собой определенные практически-пропагандистские, говоря современным языком, цели. Важнейшими из них являлись всемерное возвеличение «священных войн» и прославление их вождей и рядовых участников в качестве образца для подражания, а также восхваление церкви, главной вдохновительницы этих войн.

Наличие такого рода пропагандистских целей у хронистов крестовых походов может быть установлено не только путем анализа объективного содержания хроник и выявления тенденций, их пронизывающих (то и другое не входит в задачи данной статьи). Этот факт засвидетельствован в известной степени и непосредственно признаниями самих хронистов.

Признания эти встречаются, однако, не слишком часто: хронисты предпочитали уверять свою аудиторию, что их цель состоит лишь в том, чтобы правдиво, точно и объективно поведать потомкам о совершившемся, и притом сделать это просто ради увековечения событий, без каких бы то ни было побочных намерений. В подобных уверениях нет недостатка ни в произведениях очевидцев крестовых походов, ни тех, кто писал на основе изложенного очевидцами ранее; такими уверениями заполнены и сочинения летописцев ранних и поздних крестоносных предприятий. Все они изъявляют притязания на то, чтобы быть прочитанными и услышанными в качестве носителей объективной истины и «чистого знания».

«Прошу и умоляю, всех кто услышит то, о чем пишу, верить, что это было именно так»⁵⁶, — обращается Раймунд Агильерский к будущим *слушателям* своей «Истории». Он заранее готов навлечь всяческие проклятия на свою голову, если обнаружится, что сообщаемое им не соответствует действительности или продиктовано какими-либо иными мотивами, нежели бескорыстное стремление к истине: «Если я сообщал что-либо, кроме того, что видел или чему верил (*sic!* — *М. З.*), или если я излагал что-либо по *пристрастию или по ненависти к кому бы то ни было* (здесь и далее курсив наш. — *М. З.*), пусть поразит меня господь всеми муками ада, (пусть) вычеркнет меня из книги жизни»⁵⁷. Хронист изо всех сил клянется и божится, что имел в виду только святую правду и ничего более.

Раймунд как бы заранее стремится отвести от себя подозрения в предумышленной фальсификации фактов в угоду кому бы то ни было или против кого бы то ни было. В обоснование собственной искренности и правдивости он не находит никакого более веского довода, кроме как напомнить о своем духовном сане, который один уже обязывает своего носителя быть правдивым: «Ибо хотя я многого не ведаю, но знаю одно, что, будучи посвящен в сан во время похода по стезе господней, я *обязан скорее вы-*

⁵⁶ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum...*, p. 275: Oro igitur et obsecro omnes qui haec audituri sunt, ut credant haec ita fuisse.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 275—276: Quod si quicumque ego praeter credita et visa studio vel odio alicuius apposui, apponat mihi Deus omnes plagas inferni, deleat me de libro vitae.